

*П. А. Сорокин***ОБЯЗАННОСТИ ВЛАСТИ И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАНИНА***

В полицейском государстве между гражданином и властью лежит пропасть. Взаимоотношение между ними вполне ясно и определено: власть и ее носители приказывают, поданный, обыватель — подчиняется. На стороне первых — право государства, на стороне второго — безусловная обязанность подчинения. Не только высшие носители власти, но и каждый чиновник, по выражению Майера, в отношении к подданному тоже своего рода король: подданный должен беспрекословно подчиняться ему во всем, что он прикажет (О. Mayer. 'Le droit admin.' 1, 46). Короче — здесь даны господская власть и бесправный обыватель.

Иначе обстоит дело в правовом государстве. Здесь нет и не может быть таких отношений, здесь нет места господской власти. Она заменяется здесь социально-служебной властью. Носителем власти, должностным лицом здесь является тот, кто взял на себя обязанность общественного служения. Именно эта черта и является основной чертой, выделяющей должностное лицо от гражданина. Министр, чиновник, член земской управы, городской думы и т. п. — все это носители власти, должностные лица, ибо они взяли на себя обязанность социального служения, не безграничного господства, а именно служения общественному благу и интересам.

Но раз так, то встает вопрос: чем же отличаются носители власти, должностные лица от граждан?

В юридической литературе на этот счет был предложен ряд признаков, но все они оказались негодными. Итог развития юридической мысли по этому вопросу таков: между гражданином и должностным лицом, носителем власти, нет никакого различия, всякое должностное лицо — гражданин и всякий гражданин — должностное лицо.

Такому решению много способствовали теории французских административистов и государствоведов — теория Дюги и теория Жеза. Дюги, усматривая характерную черту носителя власти в обязательной службе на общую пользу, указал, что к должностным лицам относятся косвенно не только те, кто участвует в этой службе «постоянным и нормальным образом», но и *agents employes*, простые служащие (Duguit: *Traite*, 1, 426–9). Жез пошел дальше и отнес к должностным лицам всех сотрудничающих в деле общественного служения (*les auxiliaires*, 9, Jeze: *Cours de droit publique*, 391).

Но раз это так, то разве не каждый гражданин должен участвовать, и участвует, в деле общественного служения? Разве солдат, защищающий родину, не служит на общую пользу? Разве крестьянин, трудолюбиво обрабатывающий поля, что не менее необходимо для общежития, чем деятельность губернатора, не участвует в деле общественного служения? То же можно сказать и о рабочем, ученом, артисте, враче, педагоге и т. д., добросовестно выполняющих свои обязанности. Разве их работа не есть работа служения общественным интересам?

*Питирим Сорокин. «Воля Народа». № 3, 1 мая 1917 г.

Ссылки на источники в статьях П.А. Сорокина сохранены в первоначальном виде.

В силу сказанного немудрено, что теперь юридическая мысль пришла к положению: всякое должностное лицо, носитель власти — гражданин, и всякий гражданин — должностное лицо.

Это положение точно и вполне правильно было сформулировано в нашей литературе А. И. Елистратовым (Вопросы админ. права, 76–89).

Раз это так, то отсюда само собой следуют выводы:

1) В правовом государстве всякий гражданин является участником власти, поскольку он служит делу общественного блага.

2) В силу этого он несет на себе все права власти, но вместе с ними и все обязанности, вытекающие из принципа социального служения.

Остановимся на этом выводе. Он заслуживает внимания в данное время.

Россия только что перешла от состояния полицейского государства к правовому. Место господской власти заняла у нас социально-служебная власть. Место бесправного обывателя, не несшего на себе никакой ответственности за судьбы всего государства, занял полноправный гражданин, имеющий все права власти, должностного лица, но вместе с ними и всю ответственность, все обязанности последнего.

К великому сожалению, эта аксиома недостаточно осознана не только широкими слоями населения, но и многими руководителями последнего. Правовая психика их претерпела сдвиг, но сдвиг односторонний. Сознание своих полномочий, сознание своих прав вошло в правовую психику, а сознание связанных с ними обязанностей не проникло вовсе или проникло в недостаточной мере.

Этим объясняется ряд явлений, наблюдающихся в наши дни: ответственность за судьбы страны возлагается лишь на центральную власть, а на самих себя ее брать не хотят. Требование социального служения предъявляется к власти в полной мере, ее контролируют, ее упрекают, указывают ее ошибки, вмешиваются в ее действия, то нее требуют одного, другого, третьего и т. д., но в то же время это требование в недостаточной мере предъявляется гражданами и их руководителями к самим себе.

Разве является социально-служебным поведение тех групп, которые только разрушают и критикуют, но ничего не создают?

Разве социальное служение представляют сотни тех поступков, которые дезорганизуют жизнь страны и армии?

Разве можно назвать социально-полезными те в иных условиях вполне законные требования, которые то тут, то там предъявляются к власти и отдельными группами, и классами, и лицами, требования, удовлетворение которых явно и очевидно возможно лишь за счет тоже законных интересов других групп, и классов, и лиц?

Есть в наше время и такие лица, которые знают только требования и знать ничего не хотят об обязанностях.

Короче говоря: в итоге перехода к новому устройю наблюдается гипертрофия сознания своих прав гражданами и атрофия сознания своих обязанностей и наоборот: преувеличенное сознание обязанностей власти и недостаточное сознание ее прав.

Такая односторонность понятна, но она малоутешительна. Эти именно условия благоприятствуют опасному распадению общества, росту в нем анархии и всех ее последствий.

Прав граждан теперь никто не оспаривает, но вытекающие из них обязанности многими забываются.

Подлинное же понятие гражданина требует того и другого. Тем именно, что он сознает не только свои права, но и обязанности, умеет не только предъявлять требования к другим, но и к себе самому, гражданин отличается от деспота — с одной стороны, и от взбунтовавшего раба — с другой...

Каждый гражданин — носитель власти в известном объеме, в том, который диктуется принципом социального служения, откуда и следует, что иерархия власти и ее органов не исключается этой конструкцией, но поэтому же он несет на себе и всю ответственность и все обязанности власти, соответственно его общественной функции.

Если это положение будет осознано всеми — Россия спасена, если нет — ее судьбы подвергаются опасности. Но если последнее наступит, виноватой будет не только власть, но и все те граждане, которые недостаточно осознали и осуществляли лежащие на них обязанности.

Закончим сказанное положением: гражданину — вся полнота власти, но и вся полнота обязанностей!